

Татьяна Автухович

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
(Гродно, Республика Беларусь)

ORCID 0000-0001-9640-8673

e-mail: avtuchovich@mail.ru

„ОПИРАЯ НА ЛАДОНЬ СВОЮ ВИСОК...“

„RESTING TEMPLE ON HER HAND...“

Abstract:

The article presented in the form of an interview, focuses on important issues of contemporary literature studies. Among them: 1) dominant tendencies of contemporary literary studies, 2) dominant characteristics of literary criticism in the twentieth- and twenty-first century, 3) out-dated and unrealized ideas of literary criticism in the twentieth century, 4) basic differences of literary studies in Russia and in Western Europe, 5) the place of literary studies in the Humanities today.

Keywords: contemporary Literary Criticism, humanitarian thought, literary tradition, literature-centrism, methodology of literary criticism

Редакция „МИРГОРОДА“ поздравляет профессора Татьяну Автухович – нашего сотрудника и соратника на поприще литературоведения – с Её юбилеем и предлагает ряд вопросов, ответы на которые, надеемся, будут интересны читателям.

Почему Вы стали филологом?

С детства любимым занятием было чтение, жаль только, без разбора и руководства. Дома была неплохая библиотека, ходила также в библиотеку на работе отца, где был свободный доступ к книгам и можно было надолго зависнуть в счастливом ином мире. Мне никогда не были интересны естественные науки, напротив, привлекали науки мировоззренческого плана – философия, история религии, политология, то есть науки, которые ставят и отвечают на вопрос «почему». Все это соединилось для меня в филологии. Было искушение поступить на журналистику, прежде всего под влиянием популярного в то время фильма С. Герасимова «Журналист», однако много раз на протяжении жизни я убеждалась в том, что меня, как героя пушкинского романа, судьба хранила, дав возможность сформировать и сохранить себя как личность. Узор судьбы сложился правильный.

Ваши учителя в литературоведении и в жизни

Мне повезло. У меня были лучшие в мире родители, брат и сестра: их пример деятельного добра – не на словах, а в поступках, скромности и деликатности до сих пор остается для меня недостижимым образцом. У меня были прекрасные учителя в средней школе № 1 г. Гродно. Директором школы был ученик известного педагога Януша Корчака – Владимир Иванович Баран, приверженец гуманистической педагогики. Благодаря ему в школе была особая атмосфера – открытости всем новым идеям, бескорыстного энтузиазма и главное – подлинного демократизма. Конечно, и время способствовало этой атмосфере, ведь 60-е годы – это либеральные иллюзии, романтические ценности, но тут личность нашего директора совпала с эпохой. Мы гордились своей школой и незаметно впитывали активное, гражданское отношение к миру. Добавлю, что в юности, да и на протяжении всей моей жизни, сказывалось влияние Польши: польские журналы, польская эстрада (незабвенные Czerwone Gitary, Марыля Родович!), польский след в архитектуре нашего пограничного города, местные поляки с их традициями – все это определяло особый менталитет Гродно как свободного города и гродненцев как «других» по сравнению с белорусами центра и востока страны. Уже в годы учебы в БГУ были другие впечатления, но и там встретились интересные преподаватели: ветеран войны, подпольщица и партизанка Л.Л. Короткая, которая читала древнерусскую литературу и литературу XVIII века

очень лично, пропуская весь материал через свои жизненные впечатления; И.С. Скоропанова, благодаря которой я впервые поняла, что литература это движущийся процесс. Но наиболее значимые учителя вошли в мою жизнь уже позже, во время обучения в аспирантуре, в годы преподавания в Гродненском государственном университете, написания докторской диссертации, то есть в процессе постоянного самообразования и расширения сознания. Я благодарна Отделу XVIII века Пушкинского Дома, его принципам ответственной текстологической работы с литературными источниками. Определяющее влияние на меня тогда оказали работы Д.С. Лихачева и А.М. Панченко, позднее – Л.И. Сазоновой, которые стали примером широкой культурологической проекции на литературные факты. Затем настало время работ М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, М.М. Гиршмана, с которыми я познакомилась благодаря моему коллеге и другу И.В. Егорову. Наконец, работы С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, Р. Лахманн по истории риторической культуры, а также знаменитого триумвирата – В.И. Тюпы, Н.Д. Тамарченко и С. Н. Бройтмана по теоретической и исторической поэтике. Огромное воздействие и стимулирующее влияние оказала на меня атмосфера на кафедре русистики и компаративистики Естественно-гуманитарного университета в Седльце и прежде всего Р. Мних с его невероятной энергией и креативом – пять лет работы в Седльце стали одним из самых счастливых и продуктивных периодов моей жизни. Подводя итог (и с грустью осознавая, что названы далеко не все, кто осветил своим присутствием мою жизнь), могу сказать, что так или иначе все названные ученые определили главные принципы литературоведческого исследования в моем представлении – рассмотрение литературного явления (поэтологических констант) в философской, исторической и культурологической перспективе, внимание к «веществу существования» текста – слову, достижение успеха в диалоге согласия с автором произведения через диалог с собой и текстом. Этим принципам я стремилась научить своих учеников – студентов и аспирантов.

Главная теоретическая книга в вашей жизни?

Выделить одну невозможно, потому что, как уже было сказано, на каждом этапе жизни были свои открытия. Тем не менее, впечатление абсолютно нового филологического горизонта и изменения сознания на меня произвели в свое время книги М.М. Бахтина

Проблемы поэтики Достоевского и Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Потому что филология это не только «служба понимания» (С.С. Аверинцев), но и, по моему глубокому убеждению, «служба вочеловечения», если перефразировать слова А. Блока. «Вочеловечения» – то есть открытия гуманистической перспективы как в исследуемых текстах, так и в собственной личности. В этом отношении понятия диалога и карнавала образовали продуктивное противоречие, которое помогло моему личностному самоопределению по отношению к людям и миру.

Как Вы определяете основные тенденции современного литературоведения?

Тривиальной является мысль, что и литература, и литературоведение развиваются в системе культуры, откликаясь на изменения в общественно-политической, мировоззренческой, а в последние десятилетия и в геополитической ситуации. Оглядываясь на пути развития литературоведения в XIX, а затем в XX веке, нельзя не увидеть две основные тенденции.

Во-первых, изменение методологии: если ведущие академические школы в литературоведении XIX века были сосредоточены на последовательном освоении контекстов литературного творчества, а в XX веке основные открытия были связаны с изучением текста, в том числе в аспекте взаимодействия Автор-Текст-Читатель, то уже к концу прошедшего столетия наблюдается отказ от текстоцентризма и возникает движение к синтезу этих разнонаправленных потоков или, если угодно, возвращение, но на новом уровне, к традициям литературоведения XIX века. Например, вновь вызывает исследовательский интерес биографический метод, который очевидно «рифмуется» с резким ростом популярности жанра байопика в кино и литературе в последние годы; очевидны рефлекс культурно-исторического метода в т.н. cultural studies и психоаналитического подхода в гендерных исследованиях и т.д. Безусловно, повторяюсь, это объясняется изменением внешней среды, стремлением осмыслить процессы массовизации общества, усиления межкультурных контактов и взаимодействий, феминистских движений, как они отразились в литературе, а не только стремлением литературоведения доказать свою практическую значимость в условиях коммерциализации науки.

Во-вторых, изменение объекта исследования: очевидной и продуктивной мне кажется тенденция к изучению сетевого пространства, новых форм бытования литературы, новых форм авторства и взаимодействия читателей с автором. Происходит не просто смена носителя, не просто переход от «эпохи Гуттенберга» к цифровой эпохе, формируется абсолютно новый вид коллективной творческой деятельности, который привлекает все виды искусства, чтобы создать дополненную реальность и таким образом удовлетворить эскапистские желания потенциального потребителя. Пример – творчество Дмитрия Глуховского, который для каждого своего романа создает специальную платформу, над её оформлением работают многие специалисты, создавая игровое, визуальное и аудиальное сопровождение, открывая форумы, на которых фанаты могут высказать свои впечатления от прочитанного, общаться друг с другом, влиять на автора, указывая ему на недостатки в сюжете, построении системы персонажей. Не менее интересно, что каждый роман Глуховского почти сразу обрастает сетью «сателлитов» – произведений, написанных другими авторами в той же манере и закрепляющих успех главной книги. К «Вселенной Глуховского» можно относиться иронически – как явлению массовой культуры, но можно и нужно видеть в нем прообраз литературы завтрашнего дня, а значит, достойный внимания и изучения феномен. Тем более что такая стратегия характерна для многих современных авторов.

Каковы преимущества и недостатки современного литературоведения?

Я думаю, происходит изменение условий, форм и целей литературоведческого исследования. На помощь литературоведу пришел интернет: обратившись, например, к ресурсам Национального корпуса русского языка, можно достаточно быстро выбрать случаи использования нужного мотива, образа в русской литературе на протяжении более чем двух столетий. «Цифра» делает доступными редкие издания как художественных произведений, журнальной периодики прошлых веков, так и собственно литературоведческих работ. Все это облегчает труд исследователя, освобождает от необходимости держать в памяти информацию, в том числе поэзию. В то же время, как ни странно это прозвучит, выхолащивает работу ученого, лишает ее того общегуманитарного, жизненно важного содержания, которое прида-

вало смысл деятельности литературоведа еще полстолетия назад, ведь истолкование, например, герметичных строк Мандельштама имело для филологов 60-80-х годов прошедшего столетия далеко не узкий профессиональный смысл. Кроме того, при наличии интернета кажется ненужной та фундаментальная историко-литературная и теоретическая подготовка, которая априорно предписывалась филологу прежде. В результате филолог перестает быть носителем и хранителем уникальной словесной культуры, воплощением глубокой осведомленности в традиции и главное – интерпретатором через литературу устройства мироздания, транслятором той системы нравственных ориентиров, которые несла литература. Это смена поколений стала очевидной с уходом последних корифеев литературоведения XX века – Ю.М. Лотмана, С.С. Аверинцева, В.Н.Топорова, М.Л. Гаспарова, Г.Д. Гачева, Вяч.Вс. Иванова, работы которых несли нечто большее, чем филологическое исследование текста. Понятно, что и в XX веке далеко не все литературоведы были «соразмерны» таким именам, но важно, что в нашем сознании присутствовало представление о вершинах. Резюмируя, можно сказать, что если прежде можно было говорить о том, что филолог это не профессия, а состояние души и форма жизнеотношения, то сегодня, к сожалению, надеюсь – временно, эта гуманитарная составляющая если не утрачивается, то изрядно редуцируется до уровня профессии.

Принципиальное отличие литературоведения XX века и XXI?

Не претендуя на авторитетность своего мнения, выскажу лишь предположение. Мне кажется, в XXI веке, по крайней мере в ближайшее время, во-первых, невозможно появление крупных литературоведческих школ, в рамках которых развивалась наука о литературе на протяжении последних двух столетий и которые становились центрами притяжения и ориентирами для большинства ученых. Наступает время локальных, возможно – региональных исследований, разнообразия индивидуальных идей и подходов, накопления и осмысления нового материала. Отчасти это объясняется исчерпанностью методологической парадигмы (согласно теории эпистем по М. Фуко), которая в течение XIX-XX вв. предложила и апробировала всю (?) совокупность контекстных и имманентных подходов к изучению литературных явлений и уже обратилась к их синтезу; отчасти кризисом

литературоцентризма, в результате которого литература стала объектом интереса либо элитарного, либо профессионального читателя; отчасти переходным характером времени, когда происходит поиск новых форм литературного творчества, новых героев, новых проблем. Во-вторых, изменяются способы научного взаимодействия, что особенно заметно именно в филологической среде: изменение форм жизни в современном мире – элиминирование субъектно-субъектных отношений уже приводит к преобладанию автокоммуникации над традиционными для совсем недавнего времени конференциями с их непременным дружеским общением, обменом мнениями. Литературоведение из диалогического взаимодействия с Другим (автором) и Другими (коллегами и заинтересованными в духовном обмене читателями), то есть из общественно значимого занятия, уже сейчас превращается в профессиональную деятельность для себя.

Какие идеи литературоведения XX века принципиально устарели?

Я не думаю, что идеи могут устареть, они скорее оказываются по каким-то причинам невостребованными или на время утрачивают актуальность. Известный пример – судьба риторики, которая со времен античности вплоть до конца XVIII века стояла в центре гуманитарного знания, затем была предана ostracismu и забвению больше чем на сто лет и возродилась в новом качестве уже в XX веке, снова став объектом изучения, а главное – образцом целостного (в единстве мировоззренческих, эстетических, психологических аспектов) гуманитарного освоения, оценки, интерпретации действительности через текст. Более того, став на некоторое время метанаукой гуманитаристики XX века. Важно и то, что в силу локализации / индивидуализации работы литературоведов, отсутствия четких рамок и установок каждый исследователь будет выбирать для себя наиболее близкий ему ментально, творчески, ценностно подход к исследованию литературного материала, то есть идеи и подходы литературоведения XX века будут использоваться и дальше.

Какие идеи известных литературоведов XX века наука о литературе не успела/не могла реализовать?

Не берусь рассуждать о нереализованных идеях литературоведов, скажу о том, что главная идея гуманитаристики XX века – идея

диалога согласия равноправных сознаний так и осталась, к сожалению, недостижимым идеалом, целью развития человечества. И в политике, и во взаимоотношениях между людьми стремление к диалогу наталкивается на эгоистическое стремление противоположной стороны утвердить собственные интересы, добиться собственной – национальной или индивидуальной выгоды.

Какие самые важные книги по литературоведению появились в последние годы?

Количество новой научной, в том числе литературоведческой литературы неисчислимо, уследить за всем потоком с каждым годом становится все труднее, список *must read* растет и иногда вызывает приступы отчаяния. Поэтому могу сказать о тех книгах, которые созвучны моим интересам и вызывают потребность постоянно возвращаться к ним, использовать в своей исследовательской и преподавательской деятельности. Для меня это работы В.И. Тюпы, прежде всего его идея о культуuroобразующем значении ментальных парадигм, их влиянии на развитие литературы, которая намечает выход к философскому осмыслению литературного процесса в контексте глобальных мировоззренческих и ментальных трансформаций (*Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике*, 2010; *Дискурс / Жанр*, 2013; *Введение в сравнительную нарратологию*, 2016). Постоянный интерес вызывают книги И.И. Плехановой о современной (и не только) поэзии, прежде всего тем, что в них, с одной стороны, всегда присутствует концептуальное осмысление материала, то, что можно назвать философским литературоведением, с другой стороны, методологическая четкость и теоретическая основательность анализа текстов (*Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Под знаком бесконечности: эстетика метафизической свободы против трагической реальности*, 2001; *Философские проблемы литературоведения : теория витальности в связи с философией и теорией литературного творчества. Психотип и творческая индивидуальность поэта*, 2014; *Русская поэзия рубежа веков*, 2015 и др.). Статус последних из названных книг И.И. Плехановой определен как «учебное пособие», что можно объяснить только спецификой издательской практики, потому что в моем представлении в них продемонстрирован новый подход к материалу новейшей литературы, в котором

наряду с философским осмыслением присутствует тот личностный вектор, который так важен для меня в литературоведении.

Как можно определить принципиальное отличие современного русского литературоведения от современного западного?

Для начала нужно уточнить, что мы понимаем под русским и западным литературоведением. На мой взгляд, сегодня нет русского и западного литературоведения как единых внутри себя потоков. Что общего, например, между польским и венгерским, немецким и французским литературоведением, которые для представителя постсоветского пространства ассоциируются с Западом? Русское литературоведение – те, кто пишут на русском языке, или собственно российское литературоведение, которое, как уже было сказано, сегодня не представляет собой монолитное пространство, а развивается в рамках университетских центров, каждый из которых работает над своей проблемой.

В то же время в самой постановке вопроса есть смысл. Действительно, если примерно до второй половины XX века русское и зарубежное литературоведение так или иначе решали сходные проблемы, хотя и использовали разные термины, то в дальнейшем эти два потока разошлись. На Западе в результате постструктуралистских интервенций в область литературы возобладал инструментальный подход, нашедший свое логическое завершение в коммерциализации литературоведения. С этой точки зрения литература воспринимается не как область духовно-эстетической деятельности, а как свободная, ни к чему не обязывающая ни автора, ни читателя и не приносящая практической пользы «игра в бисер». На постсоветском пространстве, мне кажется, идеи постструктурализма после краткого периода популярности не вызывают прежнего интереса, напротив, происходит возвращение к традициям русской духовной культуры с характерным для нее пиететическим отношением к Слову (обязательно с большой буквы!), признанием значимости авторского высказывания.

Место литературоведения в современном гуманитарном знании

Роль литературоведения в современном мире, равно как роль литературы и в целом гуманитаристики удручающе мала. Ушли

в прошлое громадные конкурсы на филологические факультеты, студенты считают более перспективным заниматься языкознанием, нежели литературоведением. Вместе с тем, разделяя озабоченность многих авторитетных ученых в том, что подобная тенденция чревата «гуманитарной катастрофой» (В.И.Тюпа), я все же не теряю оптимизма относительно будущего и литературы, и литературоведения. Дело в том, что в истории постоянно происходит переформатирование культуры, в процессе которого интерес то к естественным наукам, то к физике, то к экономике или юриспруденции, то теперь к информационным технологиям периодически оттесняет гуманитаристику на периферию, но неизбежно возникает момент, когда оказываются востребованными науки гуманитарного цикла. Мне нравится чья-то мысль о том, что сначала приходят Аристотели, которые предлагают новую картину мира, и только потом начинаются великие открытия в физике, естественных науках, в технике. Добавлю, что после увлечения технократическими идеями наступает момент их гуманитарного осмысления. Очевидно, в этом проявляется закон самосохранения культуры, который обеспечивает само существование человечества. Думаю, уже сегодня есть признаки приближающегося нового поворота к гуманитарной культуре. С одной стороны, в обществе (я имею в виду постсоветское пространство) формируется понимание того, что без приобщения к литературе, искусству невозможно воспитать креативного, нестандартно мыслящего специалиста, не исполнителя или даже разработчика, а творца. С другой стороны, события последнего года с катастрофическими последствиями пандемии, появление новых вызовов (идеи трансгуманизма, постправды и т.п.) очевидно обозначили необходимость формирования новой этики, такой гуманной/гуманитарной среды, которая предотвратит превращение человечества в управляемую рабочую биомассу. Свое место в этом новом пространстве неизбежно должно занять литературоведение, которое, повторюсь, выполняет не только функцию «службы понимания», но и службы «вочеловечивания». Последняя функция сегодня выходит на первый план именно потому, что тенденции развития современного технократического мира грозят «расчеловечиванием».

Нужна ли теория литературы в университетском филологическом образовании или же её нужно заменить теорией дискурса?

Вопрос в том, какова цель, каковы задачи каждого из названных курсов в системе филологического образования. Если речь идет о подготовке специалиста-филолога, понимающего, что такое текст, как он устроен, каковы условия его понимания и интерпретации, то, конечно, необходим курс теории литературы. Если задача видится в том, чтобы помочь студенту войти в мир социальных практик, адаптироваться в нем, научить различать способы языкового воздействия и взаимодействия, то полезна будет теория дискурса. Другими словами, оба курса не исключают, а дополняют друг друга.

Ваше отношение к современным тенденциям в науке: индекс цитирования, «Скопус», «ORCID»

«ORCID» я, скорее, понимаю и принимаю как способ идентификации исследователя, поскольку даже в написании собственной фамилии на разных языках я сталкиваюсь с такими вариантами, что может возникнуть сомнение, что речь идет об одном и том же авторе. Проблема для меня в том, что я забываю вовремя пополнять свой личный кабинет.

Что касается индекса цитирования, публикаций в изданиях уровня Scopus или Web of Science, то отношение двойственное. С одной стороны, понятны причины возникновения так называемой наукометрии: лавинообразный рост публикаций, сопровождаемый ростом плагиата, снижением качества ради количества, необходимость стимулировать ученых, вносящих подлинный вклад в науку. Цель благая. Но с другой стороны, есть тревожные и даже негативные последствия: цитируемость повышается «по договоренности»; небольшое количество «скопусовских» русскоязычных изданий по литературоведению затрудняет доступ к публикации в них, что в свою очередь открыло двери журналам-«хищникам», которые за немалую сумму предлагают опубликовать статью. Лазеек много, не буду их перечислять, главное понятно – наука становится способом зарабатывания денег. Но дело еще и в том, что утрачивает смысл наука (проведение конференций, публикация книг, сборников) в региональных университетах, потому что их издания непрестижны и невысоко ценятся, причем даже собственной администрацией. В будущем это

означает умирание науки в небольших центрах, невозможность для ученого создать свою школу, развивать свое направление. Достаточно вспомнить пример Тартуских сборников, которые означали в свое время прорыв в литературоведении, чтобы понять, как много потеряла бы наука, если бы современная тенденция возникла раньше. Между тем именно благодаря Ю.М.Лотману, который собрал вокруг себя группу энтузиастов, Тартуский университет получил мировую известность. Наконец, наукометрия вносит свой «вклад» в выхолащивание филологии: «невыгодно» писать статью в юбилейный сборник своего коллеги, тратить время на то, чтобы выразить ему свою признательность за вклад в науку, потому что на весах ценностей чиновников / бюрократов от науки человеческие отношения никак не измеряются.

Понятно, что я оцениваю эти тенденции с позиций человека, который формировался в иной парадигме. Возможно, все не так драматично и со временем проблемы найдут разрешение.

Главная книга, которую Вы написали

Я не автор монографий, я не стайер, а скорее спринтер, что, к моему утешению, характерно для многих известных ученых. Кроме того, начав свой путь в литературоведении с русской литературы XVIII века, я постепенно вышла в XX, а сейчас и в XXI век, что отчасти обусловлено преподавательской деятельностью в провинциальном вузе, необходимостью читать самые разные историко-литературные курсы, отчасти тем, что можно назвать интеллектуальной стойкой, желанием познакомиться с творчеством нового автора, разобраться в его тайне, наконец, склонностью к теоретическому осмыслению литературных явлений. Поэтому в списке опубликованных работ (на сегодняшний день в нем 270 позиций) выделяются циклы статей – о С.Кржижановском, И.Бродском, В.Высоцком, В.Распутине, Д.Глуховском с одной стороны и, например, о моде как концепте и принципах его осмысления в литературе XVIII века, с другой. Хорошо это или плохо? Наверное, занимаясь всю жизнь творчеством одного писателя, можно сказать о нем фундаментальнее и интереснее, чем обращаясь к разным текстам разных авторов, однако, занимаясь разными эпохами, видишь точки пересечения, разительные параллели, единство литературного процесса, обретаешь историческую перспективу видения. Такие завораживающие параллели открылись для

меня между массовой литературой XVIII и XX веков, возможно, цикл уже написанных статей сложится в книгу. При этом, занимаясь какой-то проблемой, сталкиваешься с тем, что она начинает разрастаться, оказываясь точкой роста. Неожиданно обозначился интересный вектор, связанный с творчеством Д.Глуховского. Если получится, завершу книгу об экфрасисе как метапоэтике.

Если о главных книгах в моей биографии, то таковыми я считаю, во-первых, научное издание в серии «Литературные памятники» популярного анонимного романа XVIII века *Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дво-рянина Н******, а также од А.П.Назарьева (2016). Эта книга стала результатом многолетних архивных поисков, на основании которых удалось показать, что именно А.П.Назарьев является автором романа, что его судьба нашла отражение в жизненных скитаниях героя романа. Другими словами, восполнена лакуна в истории русской литературы Века Просвещения, а также показаны механизмы взаимодействия литературы и действительности, процессы «романизации жизни», по удачному определению В.В.Сиповского.

Во-вторых, удачной кажется мне книга *”Шаг в сторону от собственного тела...”*: *Экфрасисы Иосифа Бродского* (Седльце, 2016), в которой поставлен вопрос об экфрасисе как способе опосредованного решения внутренних – психологических, нравственных, эстетических, мировоззренческих проблем автора. Как показывает опыт Бродского, экфрасис не является только словесным описанием визуального артефакта, поэтому интерпретация экфрастического текста предполагает обращение к широкому кругу контекстов, прежде всего, биографическому контексту, что позволяет ответить на вопрос, почему из всего богатства мировой культуры именно это произведение стало для поэта объектом осмысления.

Что Вы не успели прочитать и сознаете, что уже не читаете?

Я думаю, это роковой вопрос для любого филолога, потому что именно люди нашей профессии отчетливо представляют, какая бездна сокровищ скрыта за понятием «мировая литература», которая развернута в прошлое и будущее, подвергается компрессии и в то же время с каждым годом расширяется. Даже занимаясь русской литературой, я периодически впадаю в отчаяние, сталкиваясь с новыми

именами в современном литературном процессе и понимая, какие интересные процессы происходят сегодня, а ведь есть еще новые прочтения классики, которые побуждают перечитать когда-то прочитанное! Вряд ли в этом отношении могут помочь индексы обязательных книг, будь то лучшие книги прошедшего года («66 незабвенных книг незабвенного 2020 года») или списки типа «100 лучших книг всех времен и народов», которые всегда субъективны, не говоря уже о том, что указывают на вершины, а ведь то, что находится в предгорьях, часто не менее интересно. Опять же вопрос в том, какова цель чтения – осведомленность или понимание? Мне близка мысль Сергея Аверинцева, который, отвечая на подобный вопрос, сказал, что можно всю жизнь читать одну книгу, если эта книга Библия. В этом смысл чтения – в постоянном углублении в художественный мир, в мир мысли. Тем не менее, тешу себя надеждой, что когда-нибудь, уйдя на «заслуженный отдых», смогу расширить свое представление о зарубежной литературе, которая со студенческих времен попадала в поле читательского внимания только выборочно, более того, в силу возраста была осмыслена явно поверхностно. Хотелось бы с высоты иного жизненного опыта перечитать Данте и Шекспира. И, конечно, на очереди белорусская и польская литература, что особенно важно сегодня для каждого белоруса в плане национального самосознания.